



## Ю. В. ГОТЬЕ

### Университет

<Фрагмент>

<...>

Перехожу к преподаванию русской истории, которая так меня захватила, что этот предмет стал предметом всей моей жизни. Незабвенный В. О. Ключевский читал русскую историю на 2-м курсе для всего факультета 4 часа: в среду от 11 до 1 ч. и в субботу от 12 до 2 ч. Для специалистов-историков 3-го и 4-го курсов он вел семинарий по четвергам от 12 до 2 ч. Первое мое свидание с Ключевским относится еще к середине 80-х годов, когда мой дядя, только что окончивший курс медик, впоследствии профессор Эд. Вл. Готье<sup>1</sup>, рассказывал, что в бытность в университете он иногда слушал лекции Ключевского и отзывался восторженно о них и об отдельных ученых работах Ключевского, которые он читал, о том, что Ключевский знаменитый профессор и что его лекции самые интересные на всем факультете, что я твердо знал, поступая в университет. На первом курсе я не раз бегал слушать его, когда, например, было невтерпех сидеть на лекциях Фортунатова<sup>2</sup>. На 2-м курсе я не пропустил ни одной лекции, за исключением второй и третьей, которые мне пришлось пропустить по каким-то неотложным житейским обстоятельствам. Их я наверстал, будучи на 4-м курсе. Таким образом, я взял все, что мог от лекций Ключевского, а учебный 1892/93 год был, на мое счастье, длинным, и В. О. дочитал до освобождения крестьян.

Мне нет нужды писать здесь о самом «Курсе» Ключевского и его общем значении. Изданный позднее в обработанном виде самим автором, он по всей России стал настольной книгой. В наше время курс официально не издавался. Профессор согласился только на издание краткого «пособия», которое потом также вышло из печати и выдержало несколько изданий. Пособие и к нему учебник Соловьева<sup>3</sup> — вот, что требовалось от нас на полукурсовом

экзамене и потом снова — на государственном. Но неофициальные издания, выпускаемые предприимчивыми студентами с прежних литографированных изданий, появлялись довольно часто. Было такое издание и в тот год, когда мы слушали В. О., оно долго, впредь до издания «Курса», служило моим настольным справочником.

Курс русской истории В. О. Ключевского в основных чертах своих сложился еще в 70-х годах. Отсюда параллелизм некоторых его мест с «Боярской думой»<sup>4</sup>, созданной как раз в то время. В начале 90-х годов В. О. мог вставлять туда некоторые новые подробности, особенно применительно к XVIII веку, которым он, как видно из его трудов, более всего занимался в 90-х годах. Но в массе своей курс был готов, и его В. О. читал из года в год. Но так как он не мог вычитать всего имеющегося у него материала, то он по разным сообщениям выпускал одно и подробнее останавливался на другом. Так, например, нам он не читал отдела о расколе (см. т. 3 Курса). Впрочем, он сам мне позднее говорил, что этот отдел он редко читал в университете, тогда как в Духовной академии читал его постоянно. Вот эти пропуски и добавления некоторых подробностей и составляли те небольшие изменения, которые отличали лекции одного года от лекций другого. В остальном он оставался без перемен. Я, например, два раза (на 1-м и 2-м курсах) прослушал лекцию об Иване Грозном. Она была повторена в тех же словах, что произвело на меня впечатление расхолаживающее, хотя, если подумать, то ведь нельзя же было требовать, чтобы профессор на протяжении года об одном Иване IV мог рассказать так, чтобы одна лекция не была похожа на другую.

Лекции Ключевского были замечательны не только содержанием, но и тем, как В. О. их читал. Это то, что могут знать только те, которым выпало на долю наслаждение его слушать, и что совсем не ведают и не чувствуют миллионы читателей его знаменитого курса. Когда я думал об этом, мне вспоминалось очарование лекций Грановского, которое испытывали его слушатели и которое осталось закрытой книгой для позднейших поколений. Я знаю, что передать непосредственного обаяния лектора нельзя, но все-таки мне хочется остановиться на этой стороне лекций Ключевского, чтобы по мере сил, по крайней мере, объяснить тайну его обаятельного влияния на слушателей. Одетый в синий форменный фрак, он бодрой, довольно спешной походкой, немного сгорбившись, входил в аудиторию, щуря близорукие глаза и просматривая мимоходом на студентов. Взойдя на кафедру, В. О. никогда не садился, всю лекцию он читал стоя, склоняясь над своими записками, которые

он приносил в черном портфеле и раскладывал на одном, преимущественно левом, из двух боковых столбиков, обрамлявших довольно неудобные старые университетские кафедры. Разобравшись в бумагах, он начинал читать негромким голосом, который потом возвышался несколько, однако, не бывал никогда очень громким и не принимал ораторского характера.

Лекция лилась тихо и плавно с небольшими паузами, которыми В. О. иногда чрезвычайно искусно скрывал свое легкое заикание, она проникала и понижала слушателей своим легким текстом, никогда в то же время не будучи монотонной. Напротив, это была необыкновенно живая речь, красота которой возвышалась и своеобразным красивым слогом, и богатством русской речи, и исключительно живой интонацией. Интонациями и паузами В. О. выдвигал и подчеркивал то, что хотел, чтобы слушатели отмечали. И он действительно достигал этого. Глаза его, которые он то поднимал, то опускал в свои записки, при этом искрились за очками какой-то неуловимой тонкой улыбкой. Казалось, что он, говоря о деятелях и явлениях русской истории, рассказывает о лицах и событиях, им лично виденных. И Ивана Калиту, и какого-нибудь мелкого удельного князя, и царя Ивана, и Алексея Михайловича, и Петра, и далее всех, включительно Екатерину II, он, казалось, видел и знал. И это действительно было почти так. Это достигалось не только редким знанием им своего предмета, но еще единственно ему свойственной способностью проникнуть в душу русского народа и русского человека, понять его и в его настоящем, и в его прошлом и, наконец, столь же исключительной способностью владеть выразительной и богатой русской речью. Русский язык он внутренне понимал и владел им так, как он понимал и знал русскую душу. Громадным знанием, даром живо и проникновенно понять русский народ и русскую душу и свою любовь облечь в какую-то своеобразную, но тоже понятную русскому человеку дымку добродушия, своеобразно красивой речью, живость которой усиливалась особой, ему одному свойственной интонацией, — всем этим он уловлял наши души и заставлял полюбить историю родной страны. Вот, как мне кажется, то, что составляло неизъяснимую прелесть лекций В. О. Ключевского, что он унес с собой и чего не могут понять те, кто его не слышал.

Окончив лекцию, В. О. торопливо собирал записки в портфель и, также сгорбившись, выходил из аудитории, а мы, как это часто бывало, его провожали аплодисментами. Тут он, сделав испуганное лицо, ускорял шаг, исподлобья боком бросал сердитые взгляды

на студентов и отмахивался от них обеими ладонями рук. Я позднее поймал этот вид и эти жесты у Шаляпина<sup>5</sup> в роли Ивана Грозного, кажется, в опере «Псковитянка»<sup>6</sup>. Певец ходил по поводу этой роли советоваться с В. О. и, слушая ответы профессора, видимо, подметил такие интересные для себя жесты и мимику.

Экзаменатором Ключевский был спокойным, «справедливым» и его полукурсовой экзамен, помнится, прошел вполне благополучно, провалов было мало. Для исторического отделения Ключевский вел, как я уже сказал, семинарий, но он его не любил и тяготился им. Мне, впрочем, довелось заниматься в этом семинарии только в последнем семестре. Весь 1893/94 академический год и часть осеннего полугодия 1894/95 года В. О. провел в Аббас-Тумане, читая лекции в. кн. Георгию Александровичу<sup>7</sup>. Его семинарий был в сущности также лекциями, но только лекциями специальными. Он делал обзор источников русской истории. В краткое время, в которое он занимался с нами, он читал нам о летописях и об источниках для изучения Смутного времени. Это было очень содержательно и не менее интересно, чем его общий курс, особенно для тех, кто, подобно мне, уже специализировался на русской истории. Однако, вследствие краткости семинария, для меня в университетском преподавании Ключевского центральное место занял его курс. Именно этот курс сделал материал русской истории особенно близким и подготовил почву для моих специальных занятий в семинарии 3-го курса, который за отъездом В. О. в Аббас-Туман был поручен профессору Павлу Николаевичу Милюкову.

<...>

